

Евгений Сухов

**СМОТЯЩИЙ
ПО РОССИИ**

*Москва
2016*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 **Смотрящий по России / Евгений Сухов. —**
Москва : Эксмо, 2016. — 480 с. — (СМЕРШ —
спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-92078-5

У смотрящего по России Варяга появился враг. Впрочем, врагов у него всегда было много, но такого — никогда. Тимофей Беспалый в прошлом сотрудник СМЕРШа, затем начальник колонии на Магадане, а теперь опасный волк-одиночка. Он обладает звериной интуицией, запредельными боевыми навыками и готов перегрызть глотку любому, кто встанет на его пути. Беспалый бросил вызов Варягу, и смотрящий его принял, тем более что под угрозой не только жизнь Варяга, но и вся воровская империя. Игра началась, но пока неизвестно, по чьим правилам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92078-5

© Сухов Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Пролог

АУДИЕНЦИЯ У СТАЛИНА

Сапоги из тонкой кожи плотно облегли голени Сталина, голенища собирались в мелкую щеголеватую гармошку. Иосиф Виссарионович знал толк в обуви и умел ее носить. Старательно начищенные денщиком, сапоги выглядели вершиной сапожного мастерства и собирали на своей гладкой блестящей поверхности весь поток света, проникающего через небольшие узкие окна. Следовало бы поднять глаза и с горячей преданностью во взоре смотреть на мерно прогуливающегося вдоль стола Хозяина, но Берия не в силах был оторвать взгляда от сверкающих голенищ. Что-то сегодня было не так, как-то не увязывалось, а перемену в настроении Хозяина Лаврентий Павлович всегда чувствовал нутром.

Всегда!

О дурном расположении Сталина свидетельствовало и затянувшееся молчание, невероятно угнетающее. Пауза затягивалась и начинала давить на плечи, но Сталина совершенно не заботило состояние Лаврентия Павловича. А сапоги, негромко поскрипывавшие при каждом шаге, раздражали того неимоверно, но ведь не скажешь же! Наконец остановившись, Иосиф Виссарионович вытащил изо рта прокопченную трубку, аккуратно положил ее на краешек стола и спросил по-грузински:

— Лаврентий, сколько осталось в Москве генералов-контрразведчиков старой царской школы?

Лаврентий Павлович осторожным движением совсем без надобности поправил пенсне. Вопрос был неожиданный. Подумать было над чем. Вопрос можно было вос-

принимать двойко — не исключено, что Хозяин сердит на него за то, что эти старые генералы до сих пор коптят небо, и в этом случае ответственность падет целиком на его голову, как на бывшего народного комиссара НКВД. Но был и второй вариант, — возможно, Хозяин хотел задействовать царских генералов для каких-то своих политических комбинаций. Ведь на Западе у них остались обширные связи.

Помедлив, Берия решил отвечать так, как есть:

— Их двенадцать человек, товарищ Сталин.

Неожиданно Хозяин улыбнулся:

— Вот как... Столько же, сколько и апостолов. Где они проживают?

— Все они живут в Москве, но под другими фамилиями.

— Правильное решение. Вы за ними наблюдаете?

— Конечно, товарищ Сталин! Они держат свое слово и не вмешиваются в политику. Более того, их оперативный опыт весьма пригодился органам ОГПУ в борьбе с врагами народа и шпионами. В настоящее время они очень активно сотрудничают с нашими органами, пишут методические пособия для Главного управления контрразведки и консультируют Управление особых отделов по внешним вопросам.

Брови Сталина вскинулись:

— Вы используете их прежние связи?

— Да. На их основе мы разрабатываем свои каналы.

— Ну что ж, это очень грамотно, — согласился Иосиф Виссарионович. Он подвинул к себе пепельницу, красивую вещь из темного лазурита с тонкими пиритовыми прожилками — подарок афганского шаха, и выбил из трубки пепел. — Уже произошел перелом в войне. Америка и Англия думают о завтрашнем дне, о переделе мира... Я думаю, что роль наших разведслужб будет только усиливаться... Кстати, сколько сейчас генералам лет?

Ответ на этот вопрос Берия знал. Не далее, как вчера вечером, он просматривал досье каждого генерала.

— Где-то от шестидесяти пяти до семидесяти пяти

лет, товарищ Сталин, — уверенно отвечал Берия, победно блеснув пенсне.

— Вполне боевой возраст! — одобрил Иосиф Виссарионович. — И как же они относятся к Советской власти?

— По-прежнему, резко отрицательно! — четко ответил Берия. — И даже не пытаются скрывать свое мировоззрение. Например, говорят о том, что Россия пошла тупиковым путем... Но добавляют, что служат они не правительству, а своему народу и на благо России. Тем более сейчас, когда идет война.

— Хм... Достойный ответ. В духе генералов царской школы. Большого из них выжать невозможно. Впрочем, и не нужно! Я хорошо знаком с подобной породой людей. Их можно уничтожить, но невозможно переубедить. Кто из них пользуется в своей среде наибольшим авторитетом?

— Генерал-лейтенант Петр Голицын, — мгновенно отреагировал Берия, мысленно представив себе сухопарую фигуру старика. — Вне всякого сомнения!

Иосиф Виссарионович принялся набивать в трубку очередную порцию табака.

— Из князей?

— Да, из тех самых Голицыных, товарищ Сталин.

— Я хочу переговорить с ним, — очень спокойно произнес Иосиф Виссарионович.

Лаврентий Берия постарался не удивляться. Он пристально рассматривал лазуритовую пепельницу с темно-желтыми прожилками.

— Когда его привести, товарищ Сталин?

Хозяин отвечал, хитровато прищурившись:

— Все ты переиначиваешь, Лаврентий! Только не привести, а пригласить... и очень вежливо! А это совсем другое дело.

Берия выглядел слегка смущенным. Он наконец оторвал взгляд от пепельницы и теперь разглядывал неглубокие оспинки на щеках Иосифа Виссарионовича.

— Виноват, товарищ Сталин. Когда его пригласить... для беседы?

С ответом Иосиф Виссарионович не спешил. Собственно, некоторая медлительность была одной из черт Хозяина, которая гипнотическим образом действовала на его собеседников. Создавалось впечатление, что вождь тщательнейшим образом обдумывает каждое свое произнесенное слово. Вполне возможно, что так оно и было.

Чиркнув спичкой, Сталин подпалил табачок и пыхнул сладковатым дымком. Серое облачко проплыло рядом с лицом Лаврентия Павловича, но отстраниться народный комиссар не посмел.

— Скажем, завтра... Где-нибудь часов в одиннадцать вечера.

Берия понимающе кивнул. Это время у Хозяина было самое продуктивное. А следовательно, предстоящей встрече он придавал большое значение. Разговор обещал быть серьезным.

— Сделаю, товарищ Сталин.

— И еще вот что, Лаврентий... Постарайся растолковать ему поделикатнее, что от него требуется. Все эти дворяне необыкновенно чувствительны.

* * *

Спина Петра Михайловича Голицына выглядела невероятно прямой. В ней было все: упрямый и твердый характер, осанка потомственного дворянина, не привыкшего кланяться, чувство собственного достоинства. Князь мог склонить голову только перед царским стягом. А кто для него Сталин? Всего лишь недоучившийся семинарист, которого в прежние времена не пускали дальше прихожей.

На Голицыне был парадный царский китель, правда, с отпоротыми погонами, но на груди висели десятка два орденов. Как и в прежние времена... Что, по мнению генерала, должно было означать — мундиры меняются, а вот офицерская доблесть — на века!

На губах Иосифа Виссарионовича промелькнуло

нечто похожее на улыбку: «Странно, что такое богатство не реквизируют при обысках чекисты».

— Вы курите? — спросил Сталин с мягким грузинским акцентом, почтительно подвигая к гостю распечатанную пачку «Казбека».

Генерал отрицательно покачал головой.

— Благодарствую. Не вижу пользы, — басовито прогудел генерал.

Сталин слегка улыбнулся. Вот оно как. Не многие из приглашенных способны были ответить отказом, да еще столь холодным тоном! Такое впечатление, что ему предлагали не первосортный табачок, а заставляли надкусить ампулу с цианистым калием.

— Петр Михайлович, вы всегда стараетесь делать то, что на пользу? — спросил Сталин.

Князь безмятежно пожал плечами:

— Просто стараюсь жить рационально. А от табака один лишь вред! — Неожиданно старик улыбнулся, показав красивые белые зубы: — Хотя, признаюсь вам, в молодости я грешил этим занятием. Весьма грешил!

— Сейчас много пишут о вреде табака, — спокойно согласился Иосиф Виссарионович. — Но в моем возрасте поздно менять привычки. — Сталин взял со стола трубку, но закуривать пока не стал. — А что это у вас за крест такой на груди? — с интересом спросил он, указав чубуком трубки на грудь князя.

Голицын, чуть приподняв голову, достойно ответил:

— Я кавалер ордена Святого равноапостольного князя Владимира. А этот крест — его знак. Носить его предписывается всегда! Извините, но ради нашей встречи я не сделал исключение.

Улыбка Иосифа Виссарионовича сделалась понимающей. Именно таким Голицын видел Сталина на многочисленных портретах и репродукциях. Слегка качнув головой, хозяин кабинета ответил:

— Разумеется. Чего же менять установленные правила. Но, насколько я понимаю, при знаке ордена Владими-

ра второй степени на левой стороне груди носится и орденская звезда. Где же она у вас?

Старик заметно нахмурился:

— Вы правы... Звезда была. Она состоит из восьми лучей. Четыре золотые и четыре серебряные... Этот орден мне сохранить не удалось, — в голосе Голицына послышалась откровенная горечь, — его у меня в двадцать втором году отобрали чекисты.

Иосиф Виссарионович слегка развел руками:

— Мне остается только сожалеть. Петр Михайлович, а вы не могли бы вспомнить номер вашего ордена? Может быть, я чем-то смогу вам помочь? Хотя не обещаю, ведь прошло уже столько времени!

Генерал Голицын выглядел слегка смущенным:

— Стоит ли, право...

— И все-таки! — мягко настоял Сталин.

— Четыреста пятьдесят третий, — не без колебаний произнес князь Голицын. — Но хочу сделать вам комплимент, в нынешние времена редко кто разбирается в царских орденах.

Правый уголок рта Сталина смешливо дернулся. Забавный тип. Взяв со стола карандаш, он чиркнул что-то в блокноте.

— А это, насколько я понимаю, орден Святой Анны? — вновь спросил Хозяин.

— Да. Это орден Святой Анны. Девиз этого ордена звучит так: «Любящим правду, благочестие и верность». Этот орден я получил за поимку важного государственного преступника.

— Вот как, — проявил заметный интерес Иосиф Виссарионович, — и что же это за преступник?

— Это был германский шпион, — и, задержав взгляд на лице Сталина, Голицын с некоторым нажимом произнес: — Поймите меня правильно, настоящий шпион!

— Хм... — правый уголок рта пополз вверх. — Значит, и в то время существовали большие проблемы с немцами?

— Они всегда были нашими противниками. А потом, у германцев всегда была очень сильная разведка.

— Но все-таки этот шпион попался! — заметил Сталин.

Генерал-лейтенант Голицын сдержанно заметил:

— Он бы никогда не попался, если бы мы его не поймали. А потом, контрразведчик должен быть всегда подготовленнее и умнее любого разведчика. Иначе ему не достигнуть поставленной задачи. А этого шпиона мы выкрали за пределами России, в Турции, — после некоторой паузы уточнил князь Голицын. — По специальному заданию Петра Аркадьевича Столыпина.

И вновь на лице Сталина появилось нечто вроде усмешки — последние слова были произнесены князем с заметным пиететом. Этот старик, похоже, не догадывался, с кем сидит за одним столом, или, определенно, ничего не боится. И уж, конечно, он не задавался себе целью понравиться — выглядел на редкость естественно и просто.

— А этот орден, кажется, Николая Чудотворца?

Князь Голицын слегка наклонил голову.

— Совершенно верно. Более точно он называется так: орден Святителя Николая Чудотворца. Был утвержден после большевистского переворота Петром Николаевичем Врангелем тридцатого апреля 1920 года, через месяц после его избрания Главнокомандующим Русской армией. Девиз этого ордена таков: «Верой спасется Россия!»

Хмыкнув, Сталин поднялся. Голицын неловко отодвинул стул и попытался последовать его примеру.

— Сидите, — махнул рукой Иосиф Виссарионович. Царский генерал послушно опустил плечи: — Вы все-таки человек почтенного возраста.

— Для служения отечеству возраст значения не имеет, — заметил Голицын.

— Тоже правильно... А как все-таки сочетаются все ваши ордена?

— Орден Святителя Николая Чудотворца я получил за

храбрость. Поверьте мне, в то время орденами не разбрасывались.

Иосиф Виссарионович подошел к окну, небрежно откинул белую полотняную занавеску. Некоторое время он смотрел на кремлевскую стену, казавшуюся из кабинета особенно близкой. Потом вернулся к столу, опустился в кресло мягко, совсем неслышно.

— Петр Михайлович, сколько языков вы знаете? — неожиданно спросил Сталин.

— Владею всеми европейскими. Знаю еще японский, говорю на китайском.

— Ого!

Слегка пожав плечами, генерал продолжил:

— Во времена моей молодости это было принято... В нашей семье, например, принято было разговаривать на французском, немецком, английском. Французский язык, можно сказать, для меня и вовсе родной. Во всяком случае, по-французски я научился разговаривать раньше, чем по-русски. А немецкий и английский я выучил еще в раннем детстве. Что касается японского и китайского, то эти языки мне пришлось выучить в силу, так сказать, служебной необходимости. Мое мнение таково, что через несколько поколений восточные страны будут нашими главными врагами!

— Вот как... Интересное суждение, — отреагировал Сталин. — А каковы у них шпионы? Они лучше немецких?

Немного подумав, генерал Голицын уверенно ответил:

— Школа германских разведчиков необычайно сильна. С большими традициями! Но восточные разведчики не похожи на европейских, их учат методам, о которых мы даже не слышали.

— Например?

— Например... Пожалуйста! Они могут видеть ауру человека, по которой способны судить о его душевном состоянии. В разведке это очень важно. По ней они могут даже сказать, сколько ему осталось жить.

— Интересное предположение.

Царский генерал отрицательно покачал головой:

— Это не предположение, это факт! Аналогичные исследования я проводил и со своими разведчиками.

— Вот как! И что, вы тоже можете увидеть ауру?

— Да, — сдержанно отвечал Голицын.

— Тогда можете сказать, какого цвета моя?

— Если вам любопытно... — пожал плечами генерал. —

У вас аура усталого человека, светло-желтого цвета, с красной каймой. Но ваша аура тусклая.

— И сколько мне, по-вашему, отпущено богом?

— Это очень деликатный вопрос. Все сугубо индивидуально.

— И все-таки!

Слегка помедлив, Голицын отвечал:

— Мне думается, лет десять-пятнадцать.

— Хм... Значит, проживу еще. В каком звании вы были в царской армии?

— Генерал-лейтенант, — ответил князь с достоинством.

— Вы можете ответить на один вопрос? — прищурился Сталин.

— Разумеется. Думаю, что меня привезли в Кремль именно для этого.

Иосиф Виссарионович улыбнулся:

— Почему вы не уехали за границу? Ведь, насколько мне известно, у вас была такая возможность.

— Я бывал за границей неоднократно... по роду своей деятельности. Но там для меня все чужое! А потом, я всегда хотел служить родине.

— Вы патриот.

— Я вкладываю в это слово несколько иной смысл, — растягивая слова, произнес генерал.

— А вы смелый человек, — сдержанно заметил Сталин, в упор посмотрев на Голицына. И, немного помолчав, добавил: — У вас будет возможность проявить патриотизм. Я предлагаю вам создать военную школу контрраз-

ведчиков по царскому образцу. Вы ведь работали против шпионов?

— Конечно!

— Так вот, эту школу можно будет назвать примерно так... Смерть шпионам. Или сокращенно — СМЕРШ. Так вы как, согласны с моим предложением?

— Я согласен выполнять любую работу, чтобы быть полезным родине.

— Вот и отлично! Деятельность этой школы я возьму под свой личный контроль, как председатель Государственного Комитета Обороны. А непосредственным руководителем будет Виктор Семенович Абакумов, начальник управления особых отделов НКВД. Что вы на это скажете?

— Я встречался с ним несколько раз, — кивнул Петр Михайлович. — Весьма способный молодой человек. Энергичный, деятельный...

— Из ваших уст это весьма лестная оценка. Специалистов для СМЕРШа мы хотели бы обучать в специальных школах, используя опыт царских контрразведчиков. И руководителем одной из школ хотели бы назначить вас. Вы согласны?

— Буду рад помочь своей родине.

— Достойный ответ.

— Мне бы хотелось знать, кто будет слушателями школы СМЕРШа?

Сталин понимающе кивнул, потом поднял со стола несколько бумажек.

— Вот списки. Мы уже подготовили первую группу. Сразу хочу предупредить, народ весьма пестрый, но все они преданы делу партии... Среди них слушатели военных академий, командиры Красной армии, политруки. Все офицеры! Хм... В первом наборе имеется даже бывший вор. — Иосиф Виссарионович поднял еще один листок, внимательно вчитавшись, произнес: — Но, судя по характеристикам, что ему выдали, он тоже весьма достойный человек. И у него очень солидные рекомендации, один из рекомендателей — товарищ Веселовский, — одоб-

рительно протянул товарищ Сталин. — Я знаю этого человека. Проверенный товарищ!

— У меня есть к вам просьба, товарищ Сталин, — произнес Голицын.

Иосиф Виссарионович улыбнулся:

— Если это в моих силах, исполню.

— Разрешите мне выбрать место для школы самому. Я знаю, о чем говорю. Здесь есть своя специфика.

— Считайте, что вы получили разрешение. — Сталин поднялся. Разговор был закончен. Провожая гостя до дверей, он проговорил, притронувшись указательным пальцем к ордену Святителя Николая Чудотворца: — Знаете, ко всем этим заслуженным наградам у вас не хватает ордена Красного Знамени. Если ваши дела пойдут успешно и вы оправдаете доверие родины, то получите от нее этот орден. — И, заметив, как изменилось лицо генерала, негромко предостерег: — Только не надо мне ничего говорить. — Мягко пожав сухую старческую руку, попрощался: — До свидания.

В этот раз грузинский акцент был замечен особенно сильно.